

ФРЕДЕРИК БЕГБЕДЕР

ИДЕАЛЬ

Перевод с французского

Марии Зонвиной

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНОСТРАНКА
Москва

Бегбедер Ф.

Идеаль: Роман / Пер. с франц. М.Зониной. — М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2011. (The Best of Иностранка).

ISBN 978-5-389-07217-6

18+

Фредерик Бегбедер, всеевропейская литературная звезда, автор мировых бестселлеров “99

франков”, “Любовь живет три года”, “Windows on the World”, “Романтический эгоист”, прославился за эти годы своими скандальными визитами в Россию — с бурными похождениями по ночным клубам и модным барам обеих столиц. Именно о России он и написал свой новый роман. Выход его во Франции обернулся колоссальным скандалом.

Бегбедер возвращает на сцену своего собственного двойника — героя романа “99 франков” по имени Октав Паранго. Успешный и циничный рекламист приезжает теперь в Россию: он ищет новое “рекламное лицо” для мирового гиганта косметической индустрии. Закружившись в вихре снега, красавиц и кокаина, Октав неожиданно для себя беззаветно влюбляется.

В минуты отчаяния он исповедуется знакомому священнику в храме Христа Спасителя, попутно комментируя свои похождения. “Идеаль” — вывернутый наизнанку роман-исповедь в “русском” ключе, парадоксальный и ироничный текст о мире, подчиненном диктатуре моды, гламура и утонченного разврата. А еще — о любви: по Тургеневу и по Бегбедеру.

© Éditions Grasset & Fasquelle, 2007

© М.Зонина, перевод на русский язык, 2007

© Д.Захаров, оформление, 2010

© ООО “Издательская Группа “Азбука-Аттикус”, 2011

Издательство Иностранка®

Посвящается мне!

Одна моя цель – быть на свободе. Для нее я всем жертвую. Но часто, часто думаю я, что доставит мне свобода... Что буду я один в толпе незнакомой?

Ф.М. Достоевский
Письмо брату от 16 августа 1839 г.

Название романа в русском переводе изменено по согласованию с автором.

Часть первая

ZIMA

– Итак, это дело решенное, – промолвил он, глубже усаживаясь в кресло и закулив сигару, – каждый из нас обязан рассказать историю своей первой любви. За вами очередь, Сергей Николаевич.

И.С. Тургенев
Первая любовь

1

Окончательно я сошел с ума в год своего сорокалетия. До того, как водится, я делал вид, что вполне нормален. Однако финал комедии нравов чреват безумием. Со мной это произошло после второго развода. У меня оставалось немного денег, и я решил уехать из Франции. Я любил и полюблю еще, но тогда я очень надеялся, что смогу обойтись без любви — “смешного чувства, сопровождаемого непристойными тело-движениями”, как говаривал Теофиль Готье. Удалось же мне завязать с тяжелыми наркотиками, почему же для любви надо делать исключение? Впервые с рождения я жил один и собирался этим воспользоваться. Возможно, я был лишь типичным представителем нашего бесхребетного времени. Должен заметить, что жизнь без позвоночника — скучнейшее занятие. Уж не знаю, как они там устраиваются, прочие беспозвоночные. Я рос без отца и не преминул развалить собственную семью, не успела она появиться. У меня не было ни родины, ни корней, ни каких-либо привязанностей, не считая забытого детства, фотографии которого явно фальшивили, и ноутбука, создававшего, благодаря Wi-Fi, иллюзию моей связи с вселенной. Я принимал амнезию за высшую свободу — в наши дни это достаточно распространенное заболевание. Я путешествовал без багажа и снимал меблированные квартиры. Вы находите, что чужая обстановка наводит уныние? Не согласен. А вот часами торчать в магазинах, не зная, какой выбрать стул, — это и

правда тоска зеленая. Автомобили тоже меня не интересовали. Мне жаль людей, которые меряются объемами двигателей; страшно сказать, сколько времени они тратят на перечисление марок. Читал я только карманные издания, подчеркивая некоторые пассажи шариковой ручкой, после чего выбрасывал и то и другое (ручку и книжку). Мне казалось, что вещи слишком обременительны, но мысли грузили меня ничуть не меньше. На мебельном складе в парижском пригороде, в глубине старого ангара из гофрированного железа, пылились в картонных коробках мои старые телевизоры. Я вычеркивал в ежедневнике прошедшие дни с упорством заключенного, покрывающего насечками стены своей камеры. Французских газет я не читал, и поэтому новости доходили до меня с многонедельным опозданием. “Умер Эдди Барклай? Да что вы?” Я подолгу не выходил из дому, общаясь с миром через фармацевтические и спанкинг-сайты. В 2005 году я ничего не ел. Думал, что бросил прошлое, как женщину: трусливо, избегая смотреть в глаза. Воображал себя гражданином мира. Европа представлялась мне памятником старины, которым можно любоваться без гида, ограничившись карманным GPS-навигатором и подчиняясь суровым приказам дамы из черной коробочки: “Через 500 метров приготовьтесь повернуть направо”. Я писал открытки, но не отправлял их, складывая стопочкой в обувную коробку вместе с теми, что вернулись со штампом “Адресат выбыл”. Я старался не вешать нос,

но по заказу ведь ничего не забудешь. Не очень понимаю, зачем я вам все это говорю. В сущности, мне бы хотелось рассказать о том, как я понял, что печаль необходима.

2

Мое занятие трудно считать профессией: скаут, охотник за талантами, ну и название. Я должен был отыскать самую красивую девушку на свете, и в России у меня глаза разбежались. Иногда мне казалось, что я нечто среднее между дармоедом, контрабандистом и сутенером — этакий стервятник, пожирающий живую плоть, капитан Ахав, чей белый кит звался на сей раз Миряной, Любой или Варварой. Мой карьерный рост зависел от нескольких промеров, объема груди, изгиба бедер и игривого личика. По строптивому носику, чувственному рту и выпуклому лбу я научился распознавать куколку, укутанную в шелковистый кокон. Я строго следил за соотношением длина шеи/расстояние между глазами и выискивал пленительную несогласованность дерзкой юной груди с целомудрием хрупкой надключичной впадины. Красоту можно свести к математическому уравнению: скажем, дистанция между основанием носа и подбородком должна равняться промежутку между верхом лба и бровями. Существуют правила, от которых никуда не денешься, в частности “золотое сечение” (1,61803399), результат деления, например, высоты пирамиды Хеопса на половину ее основания. Вы должны получить эту цифру, разделив свой рост на расстояние ступни — пупок, и ей же в идеале будет равняться частное от деления отрезка ступни — пупок на промежуток пупок — макушка. В противном случае вы неебабельны.

Дни мои протекали незамысловато: утром я подолгу валялся в постели, поднимаясь с тяжелой головой только часа в два, конец дня был посвящен кастингам и фотосессиям, вечера — раздаче визитных карточек. В качестве образца для подражания я выбрал француза Доминика Гала², откопавшего в 1987-м на дюссельдорфской дискотеке Клаудию Шиффер. Я с ним познакомился на одном из пляжей острова Сен-Бартельми, где он поселился, выйдя на пенсию в 43 года. Обаятельный мужик с выразительными чертами лица. Он неплохо сохранился для человека, который не спал двадцать лет. Труден хлеб гламурного вербовщика: сколько раз мне казалось, что я напал на редкое сокровище, на топ-модель будущего, на бедра века, а, подойдя поближе, обнаруживал увядшее, тучное, прыщавое существо со срезанным подбородком, толстыми икрами, редкими волосами, пустым лифчиком и узловатыми коленями. Гала неустанно повторял свою любимую поговорку (Уайльд наоборот): “Не доверяй первому впечатлению — оно обманчиво”. Клаудия Шиффер, дергавшаяся на немецком танцполе, не представляла из себя ничего особенного. Подумаешь, тевтонская дылда с квадратными плечами и зубами — такие там растут как грибы. Но Гала угадал в ней потенциал новой Бардо. Или вот Гия, грузинский скаут, раздобывший Наталью Водянову в Нижнем Новгороде, и армянин Тигран, крышующий московскую вербовку, у которого в арсенале глаз-алмаз, Windows Vista и всевозможные наводки. Здесь модельфайндером так

просто не станешь, надо знать все входы и выходы, иметь связи, а также соблюдать определенный набор правил, шесть наиважнейших привожу ниже.

1. Не насиловать девушек (разве что они того потребуют).
2. Никогда не спрашивать номер мобильного телефона у девушки, уже заключившей контракт с Гией или Тиграном.
3. Перемещаться только на машине, с личным шофером и телохранителем.
4. Никогда не заговаривать с девушками, которые ночью носят темные очки.
5. Не употреблять кокаин.
6. А главное — никогда не влюбляться.

Фотогеничность — великая тайна. Некоторые девочки, от которых в жизни глаз не оторвать, выходят пустышками. Таких лучше трахать, не вербуя. Самые потрясающие красотки тускнеют на снимке, а незаметная писюшка с носом картошкой и затравленным взглядом может оказаться вполне рентабельной, если Богу будет угодно влюбить в нее объектив. Все зависит от телосложения, индивидуальности, теней на щеках, волевого подбородка, меланхолии и звериных повадок. Поэтому я никуда не выхожу без доброго старого поляроида. Цифровые аппараты сглаживают рельефы, и волосы становятся сальными от дигитальности. Коринна Дэй открыла Кейт Мосс и продала ее в “The

Face” благодаря случайно попавшемуся ей на глаза поляроидному снимку Сары Дукас из лондонского агентства “Storm”, которая столкнулась с Кейт в аэропорту Нью-Йорка. Этой англичаночке было тогда всего четырнадцать лет, и она мечтала стать стюардессой. Теперь она зарабатывает 300 миллионов фунтов стерлингов в год (не забывайте, что скаут получает десять процентов от всех ее гонораров! Иногда мне снится чужое счастье). Не знаю, летает ли еще Кейт Мосс пассажирскими рейсами.

3

Точно знать, на что встает у мужиков, входило в мои обязанности. Покупательский раж у баб вызывают девицы, возбуждающие их мужей. А в начале XXI века мужчин возбуждает чистота. Вынь да положь им чистоту, сами себе опротивели, что ли. Мужиков теперь привлекает только нимфеточная внешность, поэтому все теткы рядятся в розовых девочек-припевочек. Я всегда с недоверием относился к парням, которые тусуются с юными созданиями, — это либо сен-тропезские крутышки, либо скрытые гомики. Они выступают с ними словно павы и кайфуют, как автомобилисты за рулем новенького спортивного купе. В наше время, когда красивая женщина стала переходящим знаменем, многие вечеринки весьма смахивают на конкурс такс — выигрывает тот, кто продефилирует с самой свеженькой зверушкой под руку. Хозяева ревниво сравнивают фигуры своих спутниц, размер глаз, аромат волос и длину поводка.

— Глянь на мою голубоглазую малышку!

— Да ты позырь лучше на эту фарфоровую куколку с завитыми ресницами.

— Старовата малек. У тебя что, на безрыбье одни крокодилы остались?

— На свою посмотри — точь-в-точь моя бабушка. Пардон, дедушка. Ты б лучше занялся ее младшей сестренкой. (Смех.) — Слава богу, эти идиотки не говорят по-французски!

— Давай, чмокни ее в щечку, сотрешь бородой

верхний слой макияжа, и она заблестит всей своей младенческой красотой.

— Заткнись, я сейчас влюблюсь.

— Бери что хочешь, только не ее.

— Мне б/у не нужны (“подержанные” на русском жаргоне).

Женщины тоже состязаются друг с другом, словно шлюхи на панели.

— У меня сиськи толще, чем твои!

— Зато мои настоящие!

Тела взвешивают, как на рыночном прилавке. Все мечтают быть единственными в своем роде, равняясь на одну и ту же гляцевую обложку. Чувства вообще в расчет не принимаются. Думаешь, что влюбился, а на самом деле идешь на поводу у рекламной кампании “Guess”. Мы вступили в эру сексапильной бесчеловечности. Я, само собой, не знаю, как это происходило в доброе старое время, поэтому всякое сравнение тут хромает, но все-таки я сильно сомневаюсь, что представители рода человеческого так ревниво относились друг к другу и прежде. С тех пор как эгоцентризм стал доминирующей идеологией, люди сошли с ума. Боеспособности рекламщиков, этих запевал всемирного прикида, можно только позавидовать. Ежегодных инвестиций в покупку рекламных площадей с лихвой хватило бы на десятикратное искоренение голода на планете, но впаривать клиентам смазливые рожи, чтобы модные бренды остались в top of the mind¹ голодающих, оказалось важнее. Петер Слотердейк, философ из

Карлсруэ, окрестил эту систему “хотизмом без границ”. Полагаю, что если бы издательский дом “Конде-Наст” кинул клич, подавляющее большинство юных хотистов развязало бы нешуточную войну за попадание в следующий номер “Vog”.

В наше время лишь утопия дана нам в ощущениях. Сериал “Части тела” очень удачно подвел итог первому десятилетию XXI века. Два пластических хирурга из Майами убеждают своих пациенток, что “лучше умереть, чем прекратить борьбу за совершенство”. Некоторые диалоги из этого сериала я знаю наизусть. Пронзительный девичий голосок поет, пока идут титры: “Make me beautiful. A perfect mind, a perfect face, a perfect life”². Я обожаю третью серию, где одна жирнячка стреляет себе в рот только потому, что доктор Макнамара отказался делать ей липосакцию. Брызги крови оседают на фотографиях топ-моделей, которыми эта корова увешала свою комнату. Очень трогательная сцена — на грудях Эль Макферсон блестят гемоглобиновые дриппинги, и камера являет нам панораму толстозадого трупа — он распластан на ковровом покрытии, словно кит, выброшенный на Саут-Бич. План на пронзительно голубое небо Флориды, символ полного отсутствия всякого несчастья.

Взгляд человека поневоле падок на правильные черты, гладкий эпидермис и пухлые губки. Безупречность носового хряща упрощает отношения между людьми. Не случайно пышные груди называют буферами — они смягчают силу удара при столкновении. Красавцам по праву платят лучше, чем уродам, ведь они доходнее. Поэтому впрысните себе ботокса ради повышения зарплаты, добавьте, во имя карьерного роста, по пятьдесят граммов в каждую грудь, сделав надрезы в околососковой области, перераспределите подщечные жиры, подтяните скулы — и вы тотчас взлетите по социальной лестнице. Прислушайтесь к себе, и вы поймете, что вам гораздо больше хочется работать с молодыми и красивыми, что вам проще с теми, у кого нет мешков под глазами, а привлекает вас только безупречно гладкая кожа, не испытывавшая еще воздействия возрастных неврозов. Внешность заманчива.

-
- ¹ Букв.: то, что сразу приходит на ум (*англ.*). Маркетинговый термин, первая названная (первая вспоминаемая) марка и соответствующий тест на популярность товара. (*Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, — прим. перев.*)
- ² “Сделайте меня красивой. Идеальное настроение, идеальное лицо, идеальная жизнь” (*англ.*).

4

Не знаю, как сердце, но тело у меня точно бьется. Вряд ли я заслужу прощение вашего Господа, зато мой рассказ поможет мне не меньше психоанализа, а обойдется наверняка дешевле. При всем желании трудно найти диван, роскошнее вашего огромного, перегруженного иконами храма. Впервые я увидел его морозным вечером, когда, во власти алкогольных паров и спеси, я взбрыкнул и, бросив друзей, отправился домой пешком. “Через пятьдесят метров сверните налево”, — предупредила меня моя механическая подруга, сидящая в кармане плаща. Ослепительная полная луна взгромоздилась на звонницу, как шляха на клиента. Я остановился, чтобы насладиться зрелищем этого исполинского пирога, испеченного прямо на берегу замерзшей реки. Тени подъемных кранов расчертили снег кроссвордной решеткой. Может быть, это луна подняла волну в моей голове? Я взгляда не мог оторвать от массивного собора, напомнившего мне Дом инвалидов, где похоронил себя Наполеон, поняв, что ваша страна ему не по зубам. Несмотря на мольбы мисс GPS, я обошел площадь и, чуть не окоченев (вспомните, было минус тридцать девять), робко приблизился к вашему святилищу. Каково же было мое удивление, когда вы, дорогой отец Иерохиромандрит³, закутавшись в огромную заиндедевешую шубу, вышли оттуда прямо на меня! Когда мы познакомились в церкви на рю Дарю, вы

были мелкой сошкой, попом-стажером с весьма приблизительным французским, а я в то время писал в “Вуаси”. Теперь вы выбились в начальники самого главного храма Москвы! А я и не знал, что с рю Дарю можно напрямик попасть в Москву, перескочив через клеточку “Константинополь”! Вы совсем не изменились, то ли дело я — вы ведь с трудом узнали меня из-за пушистой бороды. А узнав, расхохотались, и, укрывшись под навесом, мы договорились об этой исповеди. Помните, как лет десять назад мы квасили в русской бакалейной лавке в Париже? Это было в XX веке, когда ваша Церковь еще подвергалась гонениям... Как звали ту смазливую подавальщицу, которая наполняла наши рюмки вишневой водкой? Ольга? Да, Ольга, ну и память... Признайтесь, вы неровно дышали к этой малышке! Одна из первых блондинок в моей жизни. Помню ее круглые горячие грудки, словно сдобные булочки с пылу с жару. Не успевал я дотронуться до ее сосков, как она кончала, даже не трогая себя внизу, — сдавишь их, бывало, покрепче, и девушка готова. Да, дорогой митрополит, у меня были с ней шуры-муры, от которых ходуном ходили стены в ее каморке под крышей... Ольга целовалась, как эскимос, потершись своим носом о мой. Она очень вас любила. Вот бы вам предложить ей руку и сердце, ведь православным священникам это не запрещено! Вы все еще холостяк? Неужели? Ха-ха, а наш поп не дурак! Извините, что прикалываюсь. Как я рад вас видеть, сколько лет, сколько зим! Совпадений не существует, у нас было назначено тут свидание. В

ту ночь, поклявшись, что мы еще встретимся, я чуть не сдох от холода. С тех пор я, как все, ношу дурацкую меховую шапку и зеленый синтетический пуховик. Мерзлявость — надежное средство от дендизма.

---

³ Это имя позаимствовано автором из “Записных книжек” А.П. Чехова.

5

Надо просто дожидаться, пока намеченная жертва нагнется, чтобы достать что-нибудь из сумки, стоящей на полу. Подкрасить губы, высморкаться, приснуть себе вентолина от астмы или закурить — первобытные рефлексy берут свое. А хищник тут как тут, он затаился в полумраке, подстерегая полоску розового стринга, вылезшую из джинсов “Дизель”... Они чувствуют, что отданы на милость субъекта, присевшего возле них на корточкy, и от их неприступности не остается и следа. Нелепость обезьяньей позы способствует взаимопониманию. Расставив ноги и оголив темную бороздку, особенно не позвездишь — наступает этап взаимоизучения. Назовем его братством бабуинов.

Я фотографировал их, не спрашивая разрешения, — в этом состояла моя стратегия захвата. Как правило, они поднимали хай. За кого этот тип себя принимает, старпер, хамло... и вот тут я с французским акцентом объясняю, что делаю, кем работаю и зачем ищу нездешнюю красоту. Как их зовут — Татьяна, Аня или Алена? Слышали ли они про Russian Fashion Week? Хочешь взглянуть на свой портрет? Вот он уже готов. Как насчет того, чтобы стать иконой массмаркета? Иногда лучше вообще молчать при первом знакомстве. Почему? Потому что потребитель, созерцая наши картинкy, не беседует с ними! Я с удовольствием разглядывал девочек, словно они уже украшали собой автобусные остановки. Запав на новую мышку, главное — не спешить, а примоститься

влюбленным коршуном чуть поодаль и лущить ее в свое удовольствие. Почему они все одинаково душатся (“Шансом” от “Шанель”)? Здоровые ли у них зубы, или придется ставить фарфоровые виниры? Волосы хоть натуральные или крашенные краской из супермаркета? Может, им вживили волосяные протезы, заблаговременно побрив индийских нищенок в Бангалоре, а на ногти присобачили синтетические миндалевидные наклепки для удлинения кургузых пальцев? Достаточно ли округлая у них грудь или надо будет всунуть туда эргономические протезы в 295 кубических сантиметров? У них на самом деле такие длинные ноги, или они жульничают, нацепив босоножки на платформе? А что там с задницей — вдруг она унылая, обвисшая, плоская и требует глютеопластики (коррекция ягодиц при помощи силиконовых имплантов) или инъекции фосфатидилхолина для уменьшения локальных жировых отложений на талии? Как обстоит дело с носом — в меру ли он орлиный, или придется обстругать его в фотошопе? Кожа лица здоровая, или это всего лишь эффект карандаша-корректора, маскирующего прыщи, и искусственного загара? А что у нас с талией — неужто ребра подпилила? Для чего ее лучше использовать — для фотосессий или модных показов, то есть достойны ли ее манеры такого лица? Как она ходит? Как дышит? Хочется ли мне ее поцеловать (хороший знак), жениться на ней (еще более коммерческий вариант) или укусить в шейку (незамедлительное подписание эксклюзивного

контракта)?

Сегодня все женщины прекрасны на первый взгляд. Потому что они поголовно научились скрывать свои недостатки. Наша работа состоит в том, чтобы заглянуть по ту сторону цветных линз, накладных ресниц, избыточного слоя румян, худящих черных платьев, утягивающих эластичных поясов, лифчиков “Вандербра”, бросающих вызов Ньютону (Исааку, не Хельмуту), липосакций и ринопластики, а также гиалуроновой кислоты, которую они себе впрыскивают в губы начиная с шестнадцати лет. Нам ловко расставляют ловушки, используя весь арсенал искусства упаковки: профессиональный скаутинг состоит в умении почувствовать разницу между добротным продуктом и замаскированной страхолодиной. У нас нет права на ошибку. Они влетают нам в копеечку — авиабилеты, аренда квартир в Париже, подготовка композиток, шампанское в подарочных коробках плюс наркотики, не говоря уже о том, что просто обидно перегружать наших букеров, чтобы год спустя отослать в родную тундру новую партию обдолбанных и депрессивных Наташ с кругами под глазами. Нет, ну правда, что, нам делать нечего, кроме как нянчиться с будущими исполнительницами лэп-данса в каком-нибудь Екатеринбурге или Калининграде. Наши лучшие люди (Дэвид Кейн из “Reservoir Tops”, Жан-Франсуа Блондель из “Melody”, Джон Вегас и Бертран Фолли из “Aristo”, Андрей Крапоткин из “Starsystem”, Ксавье

Антуан из “Marilou” и ребята из агентства “Lumiere” в Сан-Паулу) за десять секунд определяют вам объемы любой незнакомки. По ночам я развлекался, выпаливая девушкам в лицо сакраментальные цифры: “Let me guess⁴ — 85-59-81” (иногда я мухлевал, чтобы вызвать их расположение: “One meter seventy-eight ? Forty-nine kilos?⁵”). За окном бушевала пурга; туалет в “First” впечатлял керамической плиткой от Труссарди; перед “Vogue Café” три конных таксиста ждали, трясаясь на морозе, чтобы за двести рублей отвезти меня, в стельку пьяного, в “Галерею”. Случалось, и я дрожал в унисон с этой феерической декорацией, белизна которой сообщала всему, что можно было еще рассмотреть, волшебную ауру, и тогда мне чудилось, что мир вокруг на редкость правильно устроен.

Мне следовало заарканить девчонок до того, как они нападут на нефтяного магната или банкира и на них прольется золотой дождь. Получив машину и квартиру, они сразу прекращают работать. Подождите, дорогой поп, я ведь не говорю, что мне попадались только шлюхи, просто бедняжки используют единственное находящееся в их распоряжении оружие. В Москве кто не успел, тот опоздал, — надо обернуться, пока Петр Листерман не засунул им в рот брильянт. Вы не знаете Петю? Он приехал из Израиля и оборудовал у себя на даче олимпийский бассейн и лыжню. Как перед ним устоять — конечно, они все от него без ума! И потом уже не хотят сниматься меньше чем за 100 000 евро в

час. Вот, например Анна Кузнецова, звезда “Avant Agency”, — ее нарыли в деревеньке Медведцево. Анне всего семнадцать лет, но она уже практически недоступна! Таня Дягилева готовится к прыжку, имея в загашнике снимки Дэвида Симса, сделанные месяц назад... Да, отец, я был засланным казачком на Лебединой войне⁶. Мои коллеги скауты, представляя своих спутниц, тут же указывали их возраст: — Это Надя, пятнадцать лет.

— May I introduce to you Ульяну, she’s fourteen⁷.

— Ты знаком со Светланой, тринадцать?

— Hi, how are you, I will be legal in two years⁸.

Девочек тут прибирают к рукам совсем юными, как и во Франции. Одри Марне, например, начав в четырнадцать лет, теперь снимается в кино и делает украшения, свою карьеру топ-модели она закончила к двадцати шести годам...

Приехав в Россию, я беспрестанно задавал себе один и тот же вопрос: как низко я готов пасть? Легальный возраст для секса — пятнадцать лет и три месяца, но мы все отлично знаем, что они начинают трахаться в тринадцать. Чем дальше, тем страшнее. А где пролегает граница дозволенности фотоснимков, рекламных роликов, вебкам-услуг, показов модного белья и кожных тестов? Судя по всему, меня одного беспокоила растущая педофилизация нашей отрасли. И поскольку мои коллеги считали, что ситуация вполне нормальная, я тоже вскоре перестал дергаться. И трудился на совесть, успешно вызывая у мужчин

всего мира желание спать с детьми.

---

4 “Дайте угадаю” (англ.).

5 “Метр семьдесят восемь? Сорок девять кило?” (англ.)

6 Намек на трилогию канадского писателя Шона Рассела “Лебединые войны”.

7 Позвольте представить вам... ей четырнадцать лет (англ.).

8 Привет, я буду легальна через два года (англ.).

6

Оттого что я все время грыз ногти, пялясь исподлобья на малолеток, у меня вырос горб. Я кадрил самых непорочных в надежде, что не захочу их. А трахался с ними, только чтобы не поцеловать. У меня создавалось ощущение, что я сношаюсь с глянцевой бумагой. Приятно было помять немножко журнальных куколок. У меня выработался закаленный взгляд мужика, перешедшего от фрустрации прямиком к пресыщенности. Мое тщательно продуманное равнодушие очень нравилось новоиспеченным моделькам. Мотаясь с одной вечеринки на другую в компании самых обалденных красоток на свете, я глушил себя таблетками. Подумать только, когда-то мужчины соглашались страдать! Наше поколение решительно против этого. Лично я, как только подступала тоска, сразу заглатывал пилюлю. Я вырос под наркозом, но это еще ладно, ужас в том, что я понятия не имел, какая женщина мне нужна и к чему я стремлюсь в жизни. Современное общество полагает, что без проявления воли можно обойтись, но на самом деле не знать, чего хочешь, — достаточно серьезная проблема. Наши цели становятся все более расплывчатыми. Разулившись мечтать, мы превратились в тоскливых животных, в заплутавших путников. Либо на душе пусто, либо вокруг туман. В первую минуту это даже приятно — так, свернув не на ту улицу в незнакомом городе, пользуешься неожиданной возможностью побродить, тянешь время, прежде чем спросить дорогу, или просто

глазеешь на облака, словно млекопитающее, пасущееся на природе. Но паника тут как тут. Начинаешь судорожно рыться в карманах в поисках карты или GPS-навигатора. Докучаешь туземцам. Ловишь такси. Мало кому достанет мужества заблудиться по правде. В мои планы, во всяком случае, это не входило. На свое сорокалетие я получил в подарок одиночество. Как все-таки трудно быть свободным. Свобода — это бремя, но ее можно одомашнить, как и страх смерти. И вам, в России, это известно лучше, чем где бы то ни было.

Черт, забыл сказать, как меня сюда занесло. Ну поехали: я жертва женской красоты, глобализованного желания и сексуально ориентированного общества. Когда все это стало моей профессией, я спятил. А к вам я пришел, потому что хочу измениться, хватит, больше не могу так жить, даже если считаю, что не несу ответственности за свои действия. Конечно, я отдаю себе отчет в собственной трусости. Я знаю, как удобно и приятно объявлять себя совсем пропащим. Значит, так, я ничего против не имею, но буду категоричен.

Я помешан на бабах, потому что меня с рождения глушили непристойными картинками (провозглашаю себя жертвой новейшего безумия).

В моем помешательстве прошу винить моих родителей, я просто унаследовал их сумасшествие, мои проблемы — на самом деле не мои, да и их проблемы тоже не были их проблемами, и так далее,

по списку: две первые мировые войны, Столетняя война, борьба за огонь...

Я хочу бросать всех, но так, чтобы никто не бросал меня.

Никто не наговняет по своей воле, но, тем не менее, у многих наблюдается явная склонность к этому процессу.

Говорят, за моей наглой ухмылкой скрывается ранимая душа.

Как бы то ни было, любой невроз — ценный козырь в моем ремесле. Так мне сказала Дарья Веледеева, главный редактор русской версии “Grazia”.

Короче, я вечно всем недоволен, что, как правило, свойственно детям, которым никогда ни в чем не отказывали.

Женщины — это моя планида. Я хочу завоевать их, как страну или континент. Я мечтаю стать Христофором Колумбом топ-моделей, Васко да Гамой секс-бомб.

Прости меня, *prekrasnaia*, но это сильнее меня: я жажду быть доктором Ливингстоном твоих губ, Нилом Армстронгом твоей шеи. Впиваясь в твои соски, я воскликну: “It’s a small step for a man, but a great step for mankind”⁹. А потом, покорив тебя, я поступлю, как первый человек на Луне: воткну свое знамя и вернусь на землю.

Я составлял классификацию девушек, хит-парады тел, списки лиц. (Самое возбуждающее в женщине — это

ее лицо; не верьте мужчинам, которые уверяют, будто им важнее грудь или задница, просто у их бабы такая страшная рожа, что они вынуждены переключаться на другое.) Я складывал в прозрачные папки страницы, вырванные из “Max”, “Mademoiselle” и “Purple”. У меня в комнате стоит комод с полным ящиком выданных фоток. В один прекрасный день некая капля, видимо, переполнила чашу моего страдания, и меня захлестнуло с головой. Мой мозг стер из памяти эти муки, но они по-прежнему мною рулят. Если вы на меня похожи, мне вас жаль: это значит, что вы современный человек.

---

⁹ “Это маленький шаг для одного человека и огромный шаг для всего человечества” (англ.) — знаменитая фраза Нила Армстронга.

7

Сергей, мой друг-олигарх, часто говорит мне: “Zatknis! Хватит плакаться, Октав, в жопе ты никогда не будешь — в тебе пропал проктолог”. Я познакомился с этим потешным миллиардером во время моих ночных марш-бросков. Я прозвал его Идиотом в честь Достоевского. Он живет исключительно в окружении ваннабляшек¹⁰, живого свидетельства его успеха. У него был громкий роман с русской Пэрис Хилтон (по имени Ксения). Крупной нефтяной компании, которой руководит Сергей, принадлежат (в числе прочего) два завода по производству уникальных компонентов, редчайших эссенций и тончайших ингредиентов, уничтожающих морщинки в уголках глаз. Он свято бережет секрет омолаживающих масел, как “Кока-Кола” — свою формулу. Надо будет как-нибудь спросить у него, из чего сделаны его кремы, источник вечной молодости. Благодаря своим патентам (равно как и отношениям с Кремлем) он стал одним из самых мощных олигархов на сего-дняшний день. На его подмосковной даче, на Rublevka, очень удобно засыпать под утро, растянувшись на живых матрасах. Но даже Идиот мне не помешает: я должен все время критиковать свою жизнь. И я много чего могу порассказать об охотниках за топ-моделями, святой отец.

Самая ужасная проблема моделинга — это вовсе не нимфофилия, и даже не анорексия, а расизм. Надо

называть вещи своими именами — мы все гонимся за блондизной, потому что мы фашисты. Наци предпочитали блондинок — они бы точно запали на словачку Адриану Карембе-Скленарикову, чешек Каролину Куркову, Еву Герцигову, Веронику Варекону и Петру Немцову (не зря же Гитлер сначала занял Чехословакию — у фюрера были свои приоритеты!). Модельные вербовщики боготворят арийскую расу, присущие ей высокие скулы, светлые глаза, здоровые зубы и мускулистую белизну. Вы же знаете о пристрастии товарища Сталина к юным балеринкам и прелестным амазонкам. Он был таким же антисемитом, как Гитлер. Девушки, не соответствовавшие эстетическим предпочтениям диктаторов, так или иначе уничтожались. Время произвело естественный отбор в нашем лучшем из миров: старухи и уродки оказались на обочине. Красота — это спорт, где очень легко оказаться вне игры. Выборы Мисс — голубая мечта любого фашиста. С одной стороны — эстетские состязания на вылет, с другой — цыганские погромы, учиняемые скинхедами в московском метро. Оглашая решение жюри девчушкам в купальниках, рыдающим от горя или от счастья, я чувствую себя охранником, сортирующим посетителей у входа в клуб “Дягилев”: это безобразие именуется фейс-контролем (так называли даже журнал, посвященный ночной Москве). Цель лицевой проверки — наказать за непохожесть. История повторяется, демократия тут ничем не поможет. Лучше быть невестой воротилы и ходить на

шпильках, чем смуглым “chiogny” с бычьей шеей, если вы хотите, чтобы Паша (самый известный вышибала в Москве) впустил вас в свое заведение. Слово “модель” в этом смысле честнее, чем “манекенщица”: оно лучше выражает идею высшей расы и диктат правильной внешности. Точно то же самое происходит во Франции — наши полные физиономисты прогоняют арабов, если только они не актеры стенд-апа. И еще неизвестно, где выше процент фашизма — в исламском хиджабе или в юри Fashion Contest и фейс-контроле ночного клуба. Платок хотя бы, скрывая лицо, дает надежду дурнушкам. Конечно, фундаменталисты — это упитанные мачо, запрещающие женщинам водить машину, работать и изменять мужу, а чуть что не так, кидаются камнями или выплескивают в лицо соляную кислоту. Но одна заслуга у них все же есть: они единственные эстеты-антирасисты. Хиджаб борется с искушением красотой и тоталитаризмом смазливых мордашек. Надев чадру, любая женщина имеет шанс понравиться, не подчиняясь канонам красоты, заповеданным последним “Numéro”. Так где же фашизма больше — в их бурках или в букерах из нашего агентства? Ах, отец, вижу, что вы качаете головой. Качайте, качайте сколько влезет.

Эта история плохо кончится, помяните мое слово. Власть красоты порождает фрустрацию, а фрустрация — ненависть. Нельзя безнаказанно работать на эту идеологию. Начинается с расклейки славянских блонд

на стенах, чтобы наварить на очередном шампуне, а кончается морем крови, пролитой неонацистами в день рождения Гитлера, еврейскими погромами, избиениями негров, убийствами кавказцев, бомбардировками чеченцев и резней дагестанцев. Вы, конечно, скажете, batiushka, что вам плевать — они ж не православные. Но меня лично это задевает, потому что во Франции происходит то же самое. У нас с детьми иммигрантов обращаются как с преступниками, пока они ими и впрямь не становятся. Бедняки такие послушные, они поджигают автобусы и тачки просто из вежливости, чтобы соответствовать образу, который им навязывают с рождения. Да, они мало похожи на рекламу “Л’Идеала”, которую я буду снимать в следующем квартале. Мои фотографии наделают не меньше жертв, чем колонизация, — это было бы лестно, если бы не было так мерзко. И ведь не только во Франции крайне правые чуть было не прошли на выборах! В Польше, Словакии, Болгарии, Венгрии и Румынии ультранационалисты и ксенофобы набирают все больше голосов, а то и вовсе приходят к власти. Порой я задаюсь вопросом, не воздвигли ли новую Европу на костях истребленных евреев. Шесть миллионов смертей не могут пройти бесследно — мы уничтожили евреев в Европе, чтобы установить там царство славянских блондинок. Нацисты победили; нашим агентствам осталось лишь пристроиться сзади.

---

¹⁰ Фанатки (от *англ.* “want to be / wanna be”, “хотеть быть”). Слово появилось в 1980-е и первоначально относилось к поклонницам Мадонны.

8

Выйдя из тюрьмы, я начал переписываться по электронной почте с девушкой, фотографии которой никогда не видел. Она нашла мой адрес в справочнике выпускников Школы Боссюэ. Это была гениальная особа, одинокая и образованная, она посылала мне цитаты из малоизвестных стихов и перекачивала свою любимую музыку: “Mazzy Star”, “Dusty Springfield”, “Anthony & The Johnsons”. Вкусы у нас совпадали, и при этом мы надеялись, что они очень оригинальны. Она смешила меня, ее тексты звучали весьма эротично. Вечерами я спешил домой к компьютеру, чтобы поскорее прочесть ее печальные шутки и похабные анекдоты. Она описывала мне, как мастурбирует в туалете на работе, рассказывала о парнях, которых любила безответно, и о тех, кто тут же становился досадной обузой, о тусовках в лесбийских барах, где она целовалась с подружками, и о том, как надиралась водкой с яблочным ликером. По истечении нескольких недель я решил, что влюбился, и назначил ей свидание. Она отказывалась со мной встречаться, тянула кота за хвост, уверяя, что боится меня разочаровать. Но, не устояв перед моим натиском, она сдалась. В конце концов мы встретились в баре парижского отеля, и все рухнуло в одночасье: передо мной стояла уродливая коротышка в массивных очках на толстом прыщавом носу. Мне было ужасно неловко, что я не сумел скрыть своего отвращения. Страшно сказать, сколько дней и ночей я пылко признавался в любви этой крокодилнице...

Умолял ее пойти куда-нибудь выпить. Даже зарезервировал комнату в отеле, на случай, если мы сразу захотим заняться любовью, а тут, не прошло и пятнадцати минут вежливой беседы, как я поднялся, со словами “ну и чудно, до скорого”, прекрасно сознавая (как, впрочем, и она), что это означало “ну и чудище, прощай навсегда”. Поцеловав ей ручку-сардельку, я сбежал. С тех пор я игнорирую ее оскорбленные мейлы. Да, мне стыдно быть подлым расистом и фэшн-фашистом. Ее тревожное сознание, жестокий юмор и безупречный ум идеально подходили мне, а сердце наверняка сделало бы меня счастливым. Но я фашистская сволочь, и это тем более непростительно, что я сам пережил такие же унижения в юности. Вывод: я бывший урод, который мстит себе подобным.

— Я именно та женщина, которая тебе нужна.

— Если бы ты только похудела килограммов на двадцать!

Вот что я должен был бы ей сказать: — Когда мне было десять лет, пластический хирург исправил мне уши под общим наркозом. Техника состоит в следующем: сделав кожный надрез за ушами Дамбо¹¹, заново моделируют хрящ, корректируют местоположение ушной раковины, а потом штопают гипоаллергенной ниткой. Десять дней я носил белую повязку на голове и целый месяц спал обмотанный эластичными бинтами. Одноклассники переименовали меня из Лопоухого в Мумию. Когда с меня сняли наконец окровавленные путы и вырвали синие нитки,

покрывшиеся какой-то слизью, никто даже не заметил, что мои уши больше не торчат из-под волос. “Красота требует жертв”: поверь мне, я знаю смысл этой поговорки. Я рыдал от боли, ради того чтобы не быть уродом. Стремление соответствовать социетальному образцу лишено смысла, просьба не беспокоиться, наши крики о помощи никто не услышит. Да ладно, тебя я не ненавижу¹², я себя терпеть не могу, и эта ненависть к себе любимому накладывает отпечаток на мои отношения с прочими представителями рода человеческого. Прощай, бабец моей жизни.

---

¹¹ Дамбо — слоненок с большими ушами, герой известного мультфильма.

¹² Намек на реплику Химены, обращенную к Дону Родриго в “Сиде” Корнеля: “Я тебя не ненавижу”. (В русском переводе М.Лозинского: “*Родриго. Пасть от твоей руки мне будет меньшей казнью, Чем жить, казнимому твоею неприязню. Химена. Ах, нет ее во мне!*”)

9

Теперь позвольте представиться: Октав Паранго, французский скаут, застрявший в стране, которая равняется тридцати Франциям. Работаю на людей, считающих, что женщина старше двадцати четырех лет — та еще рухлядь. Моя деятельность не может на мне не отразиться — я, например, не праздновал свое сорокалетие. Я старею в мире, где стареть запрещено. Я привык косить под молодого: черные мятые рубашки, прорванные на коленях джинсы, кашемировый свитер с треугольным вырезом от “Zadig&Voltaire” на голое тело, взъерошенные волосы, типа только что с постели в любое время суток, плюс недельная борода для легкого налета бунтарства (вообразите себе большевика с машинкой для стрижки в зубах), спортивные туфли, спорта не нюхавшие, майки-поло в обликпу в подражание худющим британским рокерам и джинсы “слим” с заниженной талией, чтобы не обтягивали валик растущего брюшка. Я не пользуюсь дезодорантом — чем вонючей, тем моложе. Себе на сорокалетие я подарил не замшевую куртку, а две замшевые куртки. Каждое утро я рыдаю, выщипывая седые волоски на макушке, в ушах и ноздрях. Я сдабриваю щеки автозагаром, чтобы отливать оранжевым, а не зеленым. Я то и дело провожу рукой по волосам, желая убедиться, что они никуда не делись. Ночью, лежа в ванне, подбираю волоски, плавающие на воде, и прилепляю их на бортик, как маньяк, страдающий обсессивно-компульсивным расстройством, после чего

торжественно погребаю их в мусорном ведре. Словно старый трансовестит, я испытываю на себе все новые омолаживающие кремы — восстанавливающий “Dior Homme Dermo System” с содержанием заживляющего В-ecdysone и фосфата витамина Е, скраб-гель с морским критмумом “Océalys”, освежающий гель глубокой очистки от “Clarins”, отшелушивающий гель для лица, полный крошечных гранул, которые перекатываются по коже, словно синтетический песок, не говоря уже о концентрированном увлажняющем креме “Facial fuel energizing moisture treatment for men” от “Kiehl’s”. Ботокс и коктейль ДНЕА-мелатонин оставляю себе на будущий год. Слушаю Диамс, чтобы не отставать от поколения “Нет-Нет”¹³. Мне исправили близорукость при помощи лазера, искромсав сетчатку, как в “Андалузском псе” Бунюэля, чтобы я мог обходиться без очков (раньше я смахивал на Ива Сен-Лорана, теперь строю из себя Иисуса Христа). Я собираюсь обзавестись фарфоровыми зубами и сделать себе улыбку как у Кита Ричардса (чистенькую, а не цвета беж). Единственное, что меня пока сдерживает, — это расценки моего дантиста-визажиста: 20 000 евро за пять сеансов, — дороговато за вставную челюсть. Я уже практически записался в спортивный клуб, чтобы повибрировать на тренажере “Power Plate”. Прежде чем привести домой девушку, я потихоньку принимаю виагру-100, чтобы смочь три-четыре раза, как будто мне на двадцать лет меньше. Я люблю повторять, что моя глупость — не более чем глупость времени, в

котором я живу, но в глубине души понимаю, что время — это просто козел отпущения и моя глупость — мое личное достояние. В сорок с хвостиком мы несем ответственность за свое несчастье, даже если выглядим свежее, чем оно. Да, я совсем забыл сказать, что ушел от жены, потому что она была моей ровесницей.

Ну и вот: я старик поневоле. Не смейтесь — бывают люди, которые рады, что стареют. Правда, они не у власти.

---

¹³ Название песни французской рэперши Диамс.

10

Чтобы доходчивее объяснить вам, как я стал фашистом, я должен рассказать об отце: мне кажется, я пошел в него. Когда родители развелись, отец, возвращаясь из Гонконга, Сингапура или Сиднея, иногда забирал нас со старшим братом к себе на уик-энд. Он жил в двухэтажной квартире с деревянными балками на улице Мэтра Альбера. Мы спали наверху, у каждого была своя комната. Меня уже тогда мучила бессонница. Ночью я слышал, как внизу тренькают кусочки льда в хрустальных стаканах с виски и вылетают пробки из бутылок. То и дело звонили в дверь. С первого этажа до меня доносился девичий смех. По субботам отец устраивал вечеринки, приглашая друзей, американских боссов и завсегдатаев “Кастеля”. Последних сопровождали манекенщицы из агентства “Paris-Planning” и скауты в распахнутых рубашках, с волосатым торсом, вечноцветущим загаром и фальшивыми визитными карточками модных фотографов. Они ставили пластинку Стиви Уандера “Song in the Key of Life” — это по-прежнему моя самая любимая музыка всех времен и народов. Оранжевый двойной альбом только что вышел, то есть дело было в 1976 году (датировка по Стиви Уандеру точнее, чем по углероду-14). Отсюда следует, что мне было одиннадцать лет и я блистал новенькими, с иголки, ушами. Случалось, я долго не мог заснуть и спускался в халате и синей пижаме, с всклокоченной шевелюрой. И что я видел, протерев глаза? Двадцатилетних красавиц, которые

радостно сияли мне навстречу белоснежными зубами и мини-юбками: “That is your SON? He is so CUTE!”¹⁴ Как правило, я мчался в туалет и ждал там, пока краска сойдет с лица. Когда я вылезал из своего убежища, отец подмигивал мне, раскуривая сигару. “Ему только что переклеили уши”. Гигантского роста девицы по имени Нина, Ким или Элизабетта, испуганно взвизгивая, рассматривали мои шрамы под волосами, потом восхищались моими зелеными глазами или потешались над тапочками. Вы догадываетесь, в чем проблема? Я кое-что понял про женщин, прыгая на коленях у пахнувших пачули шведских, датских и норвежских манекенщиц, которые пели, щелкая пальцами: “When you feel your life’s too hard, just gotta have a talk with God”¹⁵. У них были светлые волосы, как у моей матери, как желтый свет широких абажуров, как шампанское, искрившееся у них на губах. Они гладили меня по головке, гадали по руке, предсказывая мне сказочное будущее актера или пилота, предлагали для смеха руку и сердце, “Look, he's blushing again, your son is so ROMANTIC!”¹⁶, задавали нескромные вопросы про отца и совали в качестве взятки орешки или шоколадку “Milka”, строили планы, как похитить мальчика и поделить выкуп, но тут наконец вмешивался отец: “Хватит, уже поздно, если б мама видела, она б меня убила”. Тогда северные дивы поднимались со мной в спальню, целовали в лоб, в нос, в запястье или в шею, тщательно избегая губ, которые я им всякий раз протягивал, зажмурившись

(потому что, честно говоря, жаждал только одного — чтобы эти богини надо мной надругались). Потом они подтыкали мне одеяло, выдыхая сигаретный дым прямо на подушку, мило улыбались в ответ на мою просьбу обнять меня еще раз и покрепче, и я засыпал под дзиньканье их шпилек по лестнице, улетаю в волшебную страну топ-модельных объятий, где я пребываю до сих пор и где, по возможности, хотел бы испустить дух. И чем раньше, тем лучше.

---

¹⁴ “Это твой СЫН? Какой МИЛЕНЬКИЙ!” (англ.)

¹⁵ “Когда чувствуешь, что жизнь чересчур тяжела, просто поговори с Богом” (англ.) — слова из песни Стиви Уандера.

¹⁶ “Смотри, он опять покраснел, твой сын такой РОМАНТИЧНЫЙ!” (англ.)

11

Вот уже год, как я живу в Москве, Городе Обманутых Надежд. Красота здесь стала национальным спортом. Россия огромна, а жители ее бедны — единственное их развлечение состоит в чтении стихов, прогулках по березовым рощам и после-обеденном сне на берегах широких медленнотекущих рек. Купола их церквей похожи на шарики мороженого в золотой фольге. Здесь проживает крупная беднота — бывает же крупная буржуазия. В ваших краях мужчины умирают в пятьдесят лет, а их вдовы продают котят у входа в метро. Время от времени старухи гибнут от удара сосульки, свалившейся со строительных лесов. Московская зима — неслабое зрелище.

Русские вынуждены соответствовать необъятности среднеазиатских степей и сибирской тундры — они безответны, но лиричны, обобранны, но высокомерны. Они из кожи вон лезут, чтобы напоминать персонажей чеховской “Чайки”, и говорят о высоком на кухнях, где бродит квас и сушатся грибы. У них нет ни гроша в кармане, но деревянные столы ломаются от картошки с растительным маслом, пирогов с маком, пряной селедки, малосольных огурчиков, графинов водки с выгравированными на них птицами, разнообразного варенья и медных самоваров с обжигающим чаем. Вы знакомы всего пару минут, но они уже вещают вам о тщетности любви, гибели счастья и о том, что мир сошел с ума. Они говорят долго, беспрестанно наполняя рюмки и пичкая вас *pirozhnoie*. Они гордятся

своим фатализмом — да, Россия катится под откос, как всегда, ничего не поделаешь, еще выпьешь? “Нравственные шатания”, милые сердцу Достоевского, — самый безболезненный способ смотреть жизни в лицо и верная гарантия от приятных сюрпризов.

Честно говоря, березовые рощи я видел только в окне такси, едучи из аэропорта Шереметьево в город. Или по дороге на Rublevka, здешний Нейи¹⁷: березы вспыхивали в ночном мраке огнями фейерверков. Выстроившиеся ровными рядами бледные стволы казались прозрачными соломинками, через которые небо вдыхает рассыпчатый снежок. Что касается наивных ботаников, всклоченных поэтов, обманутых любовников и скисших философов, то любимцы Антона Павловича попадают тут не чаще, чем в Париже. Кухни в России современнее, чем пишут, и меньше размером, и там, как и везде, едят “чикен макнаггетс” в соусе барбекю. Да, речь у них пламенная, но образ жизни ничем от нашего не отличается — это максимально приятное самоубийство. Может, мои знакомые москвичи — нетипичные представители великой нации? Я, в основном, наблюдал бритых наголо парней в майках от Диора — эти нувориши владеют ночными клубами и гоняют как сумасшедшие на немецких тачках, лавируя между семью готическими сталинскими небоскребами, каменными чудищами, освещенными по ночам наподобие египетских пирамид. “Я с понтом

казак! Джигит, в натуре!” Не раз я видел, как высоченные башни стремительно сужаются и исчезают в зеркале заднего вида... Радио горланило русские песни, а я в ужасе орал по-французски, убедившись, что “BMW” целит прямо в пешеходов: “Осторожно! Смотри! Беременная женщина! Красный свет! Вон коляска с ребенком, тормози!” Но главное, я смотрел на девушек, боже мой, русские девушки... местное ноу-хау.

чччвм7

мп

Русская красота не сводится к литературе и лесам, основной ее параметр — женщины. Мы много говорим о залежах углеводов в этой стране, не замечая главного ее богатства. Американки слишком здоровые, француженки слишком капризные, немки слишком спортивные, японки слишком покорные, итальянки слишком ревнивые, англичанки слишком пьющие, голландки слишком раскрепощенные, испанки слишком томные! Остаются русские. Русские девушки умеют потупитья, словно провинившиеся дети, кажется, они вот-вот заплачут, их бирюзовые глаза еле сдерживают слезы, пришедшие из вечной мерзлоты, векового горя, родительских туманов на старых дачах, пустых тарелок в зимнюю стужу, Рождества без подарков, а пожаловаться нельзя, потому что отец тогда пойдет по этапу, и еще этот подлец, ушел и da svidania не сказал, их княжеские щеки алчут ласки, словно груди, и при этом они никогда не дрожат, даже на морозе минус двадцать,

только зубки облизывают и не отводят взгляда, еле успеваешь различить хорошо отрепетированную капельку росы, блеснувшую на губах, словно зов или вызов. Это цветы, склонившиеся над слабыми мужчинами, они прощают их и вертят ими как хотят, запускают им пальцы в волосы, и даже их пот пахнет сладко, любой самец становится марионеткой в умелых бледных руках, парящих в воздухе, будто лебединые крылья. Теперь, когда планета стала единой страной, вы понимаете, что я имею в виду. Весь мир наслышан о власти русских женщин; именно поэтому им отказывают в визах. Женщины всех национальностей ненавидят их, потому что красота несправедлива, а против несправедливости следует бороться. Русские девушки — это враги. Ангелам не впервой, у них всегда было полно врагов, перечитайте Библию, это настоящий каталог умученных ангелов.

---

¹⁷ Нейи — богатый пригород Парижа.

12

Итак, я согласился на это задание, не такое, как все, — найти новое лицо для “Л’Идеала”, мирового лидера косметической промышленности. Как я уже вам объяснил, в нашем пресыщенном мире хорошо продается только невинность. Отдел сбыта “Л’Идеала” решил модернизировать имидж фирмы (читай: “вытурить старую каргу”). Их пиар-стратегия основана на сегментировании аудитории: пятнадцать — двадцать пять лет (проблемы угреватой кожи); тридцатилетние (считают, что им по-прежнему двадцать); сорокалетние (размечтались, что им все еще тридцать); пятидесятилетние (надеются, что их подтяжки не видны). Мне повезло — я занимался пятнадцати — двадцатипятилетними. Скорее пятнадцати, чем двадцати пяти. Я стал скаутом в модельном агентстве “Аристо”. Французским отделением руководил приятель моего отца: отсидев свое, я умудрился завалить телешоу в прайм-тайм и, можно считать, погорел во Франции. Так что эмиграция под этим соусом была мне царским подарком. Вряд ли найдется лучший способ познакомиться с шикарными телками и уложить их к себе в постель. Должен признать, что во Франции, даже в лучшие времена, когда я был богат и знаменит, мне не доводилось общаться с такими экземплярами. Это не бомбы, не пушки, не самолеты — бери выше, тут мы имеем дело с ядерными боеголовками, оружием массового поражения, межпланетными ракетами. Запуск космических кораблей “Союз”

производится не на Байконуре, а в Москве! Большинство французов, поселившихся в вашем городе, просто не в состоянии вернуться домой: они точно знают, что на родине подобных куколок им не видать как своих ушей. Те на них просто внимания не обратят, да вряд ли вообще их пути пересекутся — в моей стране красавицы живут в параллельном пространстве, как в гетто, где невидимые барьеры надежно защищают их от приставучих мужланов. В России девушек отгружают вам парами и гроздьями. Я познакомился с французом, который уже просто не может заниматься любовью с одной партнершей. “Вдвоем в постели? Я забыл, как это делается!” Самые отменные аборигенки спят и видят, чтобы в них влюбился богач или, на худой конец, чтобы иностранец увез их в путешествие. Они даже динамят восхитительно, умудрившись внушить тебе, что страшно сожалеют, но, увы, не могут с тобой переспать, — так вышибалы в казино, объясняя, что мест больше нет, пытаются не слишком обидеть клиента, чтобы он вернулся на следующий день, кто знает, жизнь продолжается. И потом, это не девки, а адский огонь. Райский, пардон! Секс — не более чем техника, izvinite, отец, что я так в лоб, но есть целый ряд жестов, которые русским женщинам даются с потрясающей легкостью, с самого первого раза. Скажем, чтобы избежать скабрёзности, что им свойственны великодушие и долготерпение, а также крайняя... изобретательность. Да ладно вам бурчать, все от природы, от Бога, и грех не воспользоваться его

дарами. Московские бабы то заглатывают член, то дрочат его, пока он не извергается крещендо в ротовой полости, и не забывают при этом ввести указательный палец в основу основ в то самое мгновение, когда она сокращается от блаженства. Они выпивают все ваши соки и, не канителясь, тут же снова закусывают удила, да так, что вы приходите в полную боевую готовность, послав к чертям презерватив, а потом, взгромоздившись на ваши sex toys, облизывают себе соски, сосут вам все, что можно, пока вы не взмолитесь о пощаде, ладно, хорошо, я заканчиваю перечень услуг населению, батюшка, простите, я надеялся скрасить вам вечер, ну будет вам, я шучу, вы что, святее папы римского, что ли... Уж не знаю, где ваши дамы обучаются этим премудростям, на которые их западные товарки решаются только после полугода ужинов тет-а-тет. Никто так, как русские, не взобьет вам яйца и не отдастся с таким самозабвением, разве что, может быть, одна марокканка, в которую я был когда-то влюблен, вот только имя ее забыл. Три четверти века секс был единственным развлечением русских (не считая водки и стукачества), в результате они разработали уникальную технологию. Один мой знакомый француз живет тут, потому что на французенок у него больше не стоит. Ладно, ваша правда, этот француз — я! Но нам надо поторапливаться. Ваши методы исповеди меня нервируют, смотрите, сколько верующих мается, ожидая своей очереди. Даже у дантистов есть приемная! Я бы, конечно, предпочел исповедника-

доминиканца, но его не оказалось под рукой.

Искушений у меня было хоть отбавляй, но время поджимало — “Л’Идеалу” срочно требовались новые символы, нам надлежало пополнить запас высоких скул и алых губ. Стандартизация желаний ждать не будет! Спрос рос, поставки предназначались для каталогов, пресс-релизов, рекламных вкладок, витрин газетных киосков и тизинг-кампаний. Наталья Водянова везде поспеть не могла, нужны были новые модели, пусть не такие дорогие и знаменитые, зато свободные. Навар — лицом. Я должен был обеспечить круговорот лиц в природе во имя рекламы глюко-активных увлажняющих питательных кремов. Бертран, мой босс, часто звонил мне, требуя, словно людоед из “Мальчика-с-пальчика”: “Привези молоднячка”. Короче, я обслуживал пожирателей лолит, которые в свою очередь поддерживали на должном уровне мировое либидо.

Поймите меня правильно. Бестелесные самочки необходимы для процветания капиталистической экономики, но мы вынуждены часто их обновлять: ротация романтических образов способствует росту чистой прибыли. К сожалению, невинность манекенщиц — скоропортящийся продукт. Рано или поздно наши модельки приземляются в постели какого-нибудь забияки-футболиста или пьянчужки-актера, либо их фотографируют мобильником в тот момент, когда они вдыхают в каком-нибудь закутке

белую дорожку и вырубаются. За исключением Кейт Мосс, никому не удалось подняться после таких вот кадров. Видеозапись гуляла в Интернете, домохозяйки решали сменить лавочку, либо сама лавочка рвала эксклюзивный контракт, и мне снова приходилось отправляться на поиски спасительного интерфейса. Износ ускорился, это явление окрестили эффектом одноразовой модели. Я получал комиссионные с заработков моих девочек, но дело в том, что их меняли, не успев толком раскрутить, поэтому я попросил, чтобы мне платили аккордно, а не процентами (даже 10% стало уже нерентабельно, и потом, как проверить доходы?). Запустить девушек мне было легче, чем удержать на плаву. Когда-то успешная малышка держалась лет десять, теперь красота живет три года.

Я охотился за “green” (или “new faces” — так мы называли дебютанток) в Москве и Санкт-Петербурге, подстерегал их у школ Смоленска и Ростова, театральных училищ Новосибирска, Челябинска и Курска, перед мясными лавками Мурманска и Екатеринбурга, университетами Уфы, Самары и Нижнего Новгорода — по всей Российской Федерации, потому что именно в этой мутирующей стране имели неосторожность появиться на свет самые непорочные лица. Разумеется, искомое ангельское создание проживало, как правило, по другому адресу.

— Тебе нравятся узбечки с кошачьими повадками и темной радужкой? Видел бы ты киргизок с раскосыми охряными глазами!

— Совсем офигел, а круглые губки казашек? Подожди еще, тебя ждут опущенные ротики крымских татарок.

— Тащишься от сладострастных таджичек с оливковой кожей? Ты давай приласкай туркменок с мелкими, благоухающими корицей грудками.

Меня командировали в женские заповедники. Каждая следующая моя находка оказывалась еще строптивее предыдущих, и, увы, в отдельных затерянных регионах бывшего СССР ближайшая соседка живет довольно далеко: приходится трястись в ледяном поезде или лететь на ржавом самолете. Это был вечный поиск, но не Грааля, а нимфы. Можно ли вообще чем-то удовлетвориться? Стоило мне сфотографировать бедную крестьянку, до отвращения безупречную, как мне рассказывали о забытой богом деревне, где доярка родила принцессу, потом о затерянном крае, где на реке живет русалка, или о грязном дворике в самой glubinka, где фея в кроссовках блистает в гуще проспиртованных мужиков. А на борту древнего “Ту-134” авиакомпании “Сибирь”, который явно собирался развалиться на части между Днепропетровском и Днепродзержинском,

Мне выдала посадочный талон
Спящая красавица или ее клон.

13

Припоминаю, что на пути в Нижний Новгород я уснул в поезде бутылочного цвета, разрезавшем заснеженную землю на две гигантские половинки кокосового торта. Вагоны катили между рядами мертвых тополей, которые возродятся к весне, — деревья, по примеру Христа, воскресают каждый год. Как вы знаете, *batiushka*, на берегах Волги возвышаются едва ли не самые красивые соборы в стиле московского барокко (Михайло-Архангельский, Спасо-Преображенский, церковь Рождества и Благовещенский монастырь); зимой их купола похожи на безе. Когда пересекаешь реку, они маячат вдалеке, словно роскошные десерты на подносе официанта в противоположном конце ресторанный зала. Еще в детстве, в По, тоскуя за семейным обедом, я грезил о “плавучем острове”¹⁸, который казался мне вожделенной экзотикой. Но когда я бороздил местные бары в поисках сексуального апофеоза с блестками на губах, клянусь вам, я забывал свою беарнскую юность. Прибыв на вокзал Нижнего, я смотрел, как дождь поливает гигантскую статую Ленина — народу явно было влом стаскивать его с пьедестала, ибо “Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить”; вокруг “Макдоналдса”, как на всех французских вокзалах, под мелкой промозглой моросью теснились порнокиношки, и я тут же кинулся покупать обратный билет. Я рискнул бы улететь отсюда даже на старом “Ане”, сваренном горелкой и заклеенном кусочками